

29 апреля 2006 г. в с. Дубасово Гусь-Хрустального района Владимирской области на здании бывшего училища (ныне школы) была установлена мемориальная доска: «Здание построено во второй половине XIX в. в имени Михаила Герасимовича Комиссарова (1867–1929) – предпринимателя, мецената, депутата Государственной думы от Владимирской губернии».

А 27 сентября 2007 г. по нашей инициативе в Липецкой и Рязанской областях прошли мемориальные мероприятия в честь князя Николая Сергеевича Волконского. Сначала в г. Чаплыгине (ранее Раненбурге) на одном из самых красивых особняков города была открыта мемориальная доска, которая гласит: «Здание Раненбургского земства, в котором работал видный российский общественный деятель, депутат I и III Государственных Дум, член Государственного Совета, один из основателей партии “Союз 17 октября”, председатель Рязанской губернской управы князь Николай Сергеевич Волконский (1848–1910)». В тот же день в находящемся недалеко бывшем родовом имении князей Волконских в с. Зимарово, на месте разрушенного большевиками семейного склепа в ограде Храма Боголюбской Божьей Матери, был установлен и освящен поминальный крест.

В 2010 г. исполняется 100 лет со дня смерти Василия Андреевича Караулова (1854–1910), в молодости «народовольца», узника Шлиссельбурга, ставшего к концу жизни убежденным либералом, глубоко верующим человеком и религиозным мыслителем, активным участником Петербургского Религиозно-философского общества. Нам предстоит привести в порядок его знаменитую некогда могилу на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге, а также установить мемориальную доску в Красноярске, где Караулов когда-то отбывал ссылку.

Историко-философские и политологические разыскания возвращают нам забытые имена, окрашивая иные, казалось, хорошо знакомые, новыми красками...

*Алексей Кара-Мурза
лето 2009 г.*

ИТАЛЬЯНСКИЕ СЮЖЕТЫ

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТРАНСТВИЯ ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА СОЛОВЬЕВА (1875–1876)

Предисловие. Об одной «хронологической погрешности»

Изучению творчества Владимира Сергеевича Соловьева посвящено бесчисленное количество текстов. Вместе с тем трудно оспорить вывод, сделанный столетие назад Н.А.Бердяевым: «В философско-богословских своих схемах Соловьев себя прикрывал, а не раскрывал», и самые знаменитые его тексты лишь «рационально прикрывают иррациональную тайну жизни Соловьева»¹. К этому же выводу пришел и такой знаток интеллектуальной биографии Соловьева, как К.В.Мочульский. По его мнению, «Соловьев не любил и не умел “высказывать” себя, а современники плохо его понимали. Он был человеком “закрытым”: окруженный друзьями, учениками, почитателями, он прожил беспредельно одинокую жизнь... У Соловьева было множество ликов, но настоящее лицо его почти неуловимо. О самом святом для него он предпочитал говорить в шутливой форме, любил издеваться над собой и мистифицировать друзей. Был ли он самим собой в своей философии, в своей церковно-общественной деятельности, в своей поэзии?.. И, может быть, все десятитомное собрание его сочинений – только его “изнанка”. Кем же был Соловьев?»².

¹ Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 355.

² Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 63–64.

Николай Бердяев, как известно, полагал, что «настоящего Соловьева нужно искать в отдельных строках и между строк, в отдельных стихах и небольших статьях»³. Добавим к этому возможному перечню материалы путешествий В.С.Соловьева, особенно тех из них, которые еще недостаточно изучены.

Заграничному путешествию В.С.Соловьева 1875–1876 гг. (в Англию, Египет, Италию, Францию) посвящена, казалось бы, немалая литература. Это вполне объяснимо: исследователи жизни и творчества Соловьева сходятся в том, что из этой поездки он вывез некоторые важные контуры своей дальнейшей религиозно-философской системы, первыми набросками которой стали тексты, написанные в Каире и Сорренто на французском языке и объединенные под названием «София»⁴. Письма самого В.С.Соловьева того времени, а также большая работа, проделанная его биографом С.М.Лукьяновым, целенаправленно собиравшим свидетельства очевидцев – М.М.Ковалевского, И.И.Янжула, кн. Д.Н.Цертелева, А.А.Фишера фон Вальдгейма и др., позволяют достаточно подробно проследить путешествие Соловьева⁵. А его поэма «Три свидания», в которой в стихотворной форме описаны вторая и третья «встречи» с «Софией – Подругою Вечной» (сначала в лондонской библиотеке Британского музея, а затем – в пустыне под Каиром), окончательно закрепила в «соловьёведении» значимость поездки 1875–1876 гг.

Со временем эта поэма, впервые опубликованная в 1898 г. и в дальнейших переизданиях снабженная подзаголовком «Москва–Лондон–Египет 1862–1875–1876», стала обретать статус культового произведения⁶. Так, небезызвестная Анна Шмидт, еще в 1880-х гг.

³ Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева. С. 355.

⁴ Фрагменты, вошедшие в трактат «София», были впервые опубликованы в Швейцарии на языке оригинала (*Soloviev V. La Sophia et les autres ecrits francais*. Lausanne, 1978). Большая работа по комментированному переводу этих текстов на русский язык проделана А.П.Козыревым (См.: *Козырев А.П. Соловьев и гностики*. М., 2007).

⁵ Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. 1. Пг., 1921, главы XIX–XXV. (Далее в сносках: *Лукьянов С.М. Материалы*).

⁶ Первая публикация поэмы В.С.Соловьева «Три свидания» в «Вестнике Европы» никакого подзаголовка не содержала. В конце публикации имелась пометка: «26–29 сент., 1898, Пустынька» (*Соловьев В.С. Три свидания. Поэма // Вестник Европы*. СПб., 1898. Ноябрь. С. 328–334).

объявившая себя земным воплощением «Невесты Христовой», после прочтения соловьевских «Свиданий» окончательно уверовала в то, что автор поэмы является реинкарнацией Христа. Первейшую роль в этой новой мифологии стал играть именно *1876-й год*, в котором, согласно подзаголовку поэмы, произошло третье, решающее «свидание» Владимира Соловьева с «Софией» в египетской пустыне. В дополнениях к своему «Символу веры» А.Н.Шмидт написала о Соловьеве следующее: «И восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца: оставаясь в нетленном теле на небесах, вторично воплотившегося на земле в 1853 г. человеческим естеством (год рождения Соловьева. – *А.К.*); Божеское же естество вторично принявшего *в 1876 г.* (курсив мой. – *А.К.*) при видении Церкви в Египте и скоро грядущего судить живых и мертвых. Его же царствию не будет конца»⁷. Идеи Анны Шмидт оказали большое влияние на членов кружка «младосимволистов» (Андрея Белого, Александра Блока, Сергея Соловьева–мл.), а также на таких мыслителей, как Сергей Булгаков и Павел Флоренский, подготовивших к изданию собрание сочинений А.Н.Шмидт.

Александр Блок, находившийся под обаянием В.С.Соловьева и серьезно воспринявший учение Анны Шмидт (она посетила поэта в Шахматове в мае 1904 г., менее чем за год до своей смерти), внес свой вклад в создание «соловьевского культа». В известной статье «Рыцарь-монах», написанной по материалам доклада в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе и вошедшей в мемориальный соловьевский сборник 1911 г., Блок под впечатлением недавней поездки в Италию так писал о поэме «Три свидания»: «Я вспоминаю сейчас одну надпись – на гробнице среди базилики св. Аполлинария в окрестностях Равенны; эта надпись гласит [цитирует по латыни]: “Св. Ромуальд, уроженец Равенны, молившийся ночью у этого алтаря и дважды видевший блаженного мученика Аполлинария, был призван в святой монашеский орден в 927 г.”. Обращенная от его лица непосредственно к Той, Которую он здесь называет Вечной Подругой, поэма гласит: “Я, Владимир Соловьев, уроженец Москвы, призывал Тебя и видел Тебя трижды: в Москве в 1862 г., за воскресной обедней, будучи девятилетним мальчиком; в Лондоне, в Британском музее, осенью 1875 г., будучи

⁷ Шмидт А.Н. Письмо В.А.Т[ернавцеву] (1903) // Из рукописей А.Н.Шмидт. М., 1916. С. 270.

магистром философии и доцентом Московского университета; в пустыне близ Каира, *в начале 1876 г.* (курсив мой. – А.К.)”⁸. И далее Блок утверждает с еще большей категоричностью: «Поэма, написанная в конце жизни, указывает, где начинается жизнь; отныне, приступая к изучению творений Соловьева, мы должны не подниматься к ней, а обратно – исходить из нее; только в свете этого образа, ставшего ясным после того, как второй, производный, погашен смертью, можно понять сущность учения и личности Владимира Соловьева»⁹.

Между тем парадокс ситуации с канонизацией соловьевских «свиданий» состоит в том, что третья, египетская, «встреча» с «Софией – Подругой Вечной» *никак не могла произойти в 1876-м г.*, даже в его «начале». На основании достоверных источников, в первую очередь писем самого Соловьева, С.М. Лукьянов установил, что «третье свидание» состоялось после вынужденной ночевки в пустыне ранним утром либо 26-го, либо 27-го ноября 1875 г.¹⁰ Лукьянов, естественно, не смог игнорировать очевидный факт несовпадения дат, однако предпочел дать ему максимально аккуратную и нейтральную трактовку. В небольшой сноске к основному тексту своих «материалов к биографии Соловьева» он пишет всего лишь о «*хронологической погрешности*», вкравшейся в подзаголовок поэмы «Три свидания»¹¹.

⁸ Блок А. Рыцарь-монах // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 333. В сентябре 2008 г. я побывал в отреставрированной базилике S. Apollinare-in-Classa недалеко от Равенны. Древний саркофаг с надписью, так поразившей Александра Блока, по-прежнему на месте. – А.К.

⁹ Там же.

¹⁰ Здесь и далее в тексте, за исключением особо оговариваемых случаев, все даты даются по новому стилю. – А.К.

¹¹ «В подзаголовок этот вкралась хронологическая погрешность: третье “свидание” приурочивается здесь к 1876 г., а второе – к 1875 г., тогда как и второе, и третье “свидания” относятся к одному и тому же 1875 г.» (Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 263, прим. 1641). Здесь имеет смысл привести и высказанное тем же Лукьяновым сомнение относительно обстоятельств «первого свидания» Соловьева с «Софией» – в детском возрасте, во время воскресной церковной обедни. В своей поэме Вл. Соловьев относит его к 1862 г. («*мне девять лет...* и т. д.»). Однако его биограф и друг В.Л. Величко, имевший, по-видимому, подробный разговор с Соловьевым на эту тему, пишет, что описанные события имели отношение к влюбленности юного Соловьева в некую «Юлиньку С.», и произошло это «*на девятом году*» жизни Соловьева, то есть, получается, что в 1861 г. (Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и

Можно долго строить предположения относительно причин случившейся «хронологической погрешности» в триаде «1862–1875–1876». Диапазон возможных объяснений здесь весьма широк: от естественной человеческой забывчивости (поэма «Три свидания» написана Соловьевым через двадцать три года после описываемых событий) до сознательного, хотя и вполне невинного, смещения автором даты «третьего свидания», дабы каждой из трех «встреч» с Софией чисто утилитарно соответствовала *своя*, отличная от других дата. В самом деле, вряд ли при издании поэмы Соловьев мог предположить, что реальные даты его житейских странствий (тем более далеко за границей) будут скрупулезно отслежены потомками.

Однако возможно и еще одно объяснение – не вполне традиционное, но зато вполне в духе Владимира Соловьева. Ошибочное указание цифры «76» в подзаголовке поэмы «Три свидания» можно представить как явление *мистическое*, коим, разумеется, никак нельзя пренебречь. Иными словами, в нашей статье мы постараемся *реабилитировать* «1876-й год» и, опираясь на ранее малоизвестные факты, показать, что и в этом году произошли крайне знаменательные для В.С.Соловьева события. Речь пойдет в первую очередь не о первых двух месяцах 1876 г., проведенных В.С.Соловьевым в Каире, тоже по-своему важных, а о периоде с середины марта по середину мая 1876 г., когда Соловьев был в Италии.

Однако вначале коротко напомним о событиях, этому предшествовавших.

Начало поездки. Лондон. Каир

В марте 1875 г. Совет Московского университета, рассмотрев представление историко-филологического факультета, удовлетворил ходатайство двадцатидвухлетнего доцента В.С.Соловьева о предоставлении ему заграничной командировки на один год и три месяца в Англию, «преимущественно для изучения в Британском музее памятников индийской, гностической и средневековой

творения. СПб., 1903. С. 101). Лукьянов, обративший внимание на это расхождение, не уверен вообще, что речь в поэме «Три свидания» идет именно об этом, а не об «аналогичном эпизоде» (см.: *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3. Вып. 1. С. 47).

философии»¹². 21 июня Вл. Соловьев выехал поездом из Москвы по маршруту Варшава–Берлин–Ганновер–Кельн–Остенде. Оттуда он переправился морем до Дувра и далее в Лондон.

В Лондоне Соловьев работал главным образом в библиотеке Британского музея. К.В.Мочульский в своей «интеллектуальной биографии» Соловьева точно замечает: «Молодой философ поехал в Лондон не только для научной работы: он искал ключа к тайной мудрости, чуда, преображающего мир; ему было мало теоретического познания, он хотел дела... Соловьев никогда не был кабинетным ученым и отрешенным от мира мистиком. Он чувствовал себя религиозно-социальным реформатором, жил сознанием приближающегося конца света и хотел действовать немедленно, чтобы его ускорить...»¹³. Вот в это время Соловьеву и следует «второе видение» Софии – Премудрости Божией, когда некий Голос отчетливо произнес: «В Египте будь...».

И вот однажды – к осени то было –
Я ей сказал: «О, божества расцвет!
Ты здесь, я чувю, – что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?»

.....

«В Египте будь!» – внутри раздался голос.
В Париж! – и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал как идиот.

Ненадолго остановившись в Париже, Соловьев пересекает Францию и попадает в Италию. Миновав далее Турин и Пьяченцу, он вынужден остановиться на несколько часов в Парме, откуда пишет матери 6 ноября 1875 г.: «Проехал Францию и северную Италию, не останавливаясь. В здешнем городишке должен провести несколько часов вследствие беспорядков на железной дороге. Если не опоздаю к пароходу в Бриндизи, то через 4 дня буду в Египте. Благодаря купленному в Париже нососципу (пенсне. – А.К.), мог видеть все места, через которые проезжал; видел Альпы, видел Ломбардию, впрочем, до сих пор ничего поразительного не нашел. Русская деревня нравится мне больше итальянской. Хорошо здесь только, что еще тепло и зелено, как у нас в августе... От Шамбери

¹² См.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3. Ввып. 1. С. 64.

¹³ Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. С. 97.

до Турина ехали со мной в одном поезде 250 черных ряс из Вандеи в Рим с двугривенным папе на водку – славный народ и нисколько не похожи на иезуитов... Прежде Египта напишу Вам, вероятно, из Афин, где пароход останавливается на некоторое время»¹⁴.

Проехав далее по Адриатическому побережью Италии через Анкону и Бари в апулийский порт Бриндизи на итальянском «каблуке», Соловьев, судя по всему, на свой пароход все же опоздал, ибо прибыл в Египет не 10 ноября, как планировал, а 11 ноября. Однако время он почти нагнал: пароход, предполагаемый вначале, должен был зайти «на некоторое время» в Грецию, зато следующий, английский, оказался прямым в Александрию. Но Соловьев об Афинах не жалеет нисколько: для магистра философии и доцента это несколько странно, но он страстно рвется в Египет.

Через некоторое время в пустыне под Каиром ему следует «третье видение», о подробностях которого он, однако, умалчивает как в письмах родным, так и в устных рассказах. В **письме от 27 ноября** он коротко сообщает о случившемся матери: «Путешествие мое в Фиваиду, о котором я писал в прошлом письме, оказалось невозможным. Отойдя верст 20 от Каира, я чуть не был убит бедуинами, которые ночью приняли меня за черта, должен был ночевать на голой земле... вследствие чего вернулся назад»¹⁵. А вот воспоминания французского литератора Э.– М.Вогюэ, жившего в Каире в одном доме с Соловьевым и слышавшего рассказ о происшествии в пустыне из первых уст: «Несмотря на зной египетского лета, на Владимире Сергеевиче был длинный черный плащ и высокая шляпа. Он чистосердечно рассказал нам, что в этом самом одеянии он ходил один в Суэцкую пустыню, к бедуинам; он хотел разыскать там какое-то племя, в котором, как он слышал, хранились кое-какие тайны религиозно-мистического учения – Каббала и масонские предания, будто бы перешедшие к этому племени по прямой линии от Соломона. Само собой разумеется, что ничего этого он не нашел, и в конце концов бедуины украли у него часы и испортили ему шляпу»¹⁶.

¹⁴ Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э.Л.Радлова. СПб., 1909. Т. 2. С. 5 (далее в сносках – Письма).

¹⁵ Письма. Т. 2. С. 19. Через некоторое время, поняв, что подобное сообщение могло встревожить родных, он пытается их успокоить: «Происшествие с арабами более меня позабавило, чем испугало» (Там же. С. 21).

¹⁶ Цит. по: Владимир Соловьев. Pro e contra. Т. 1. С. 115.

Из Египта в Италию. Отель «Кокумелла»

4 марта 1876 г. Вл. Соловьев пишет матери из Каира о корректировке своих планов, намерении в ближайшие дни возвратиться в Европу и на месяц поселиться в Сорренто, на берегу Неаполитанского залива: «Пищи себе в Египте не нашел никакой, а потому через 8 дней и уезжаю отсюда в Италию вместе с Калачовым (сыном директора архивов), который жил здесь все время. Цертелев уезжает еще раньше. В Италии я поселюсь на один месяц в Сорренто, где в тиши уединения буду дописывать некоторое произведение мистико-теософо-философо-теургополитического содержания и диалогической формы. Затем отправлюсь в Париж, где для очищения совести займусь немного в *Bibliothèque Nationale*, и, захав на несколько дней в Лондон, возвращусь к июню через Киев в Москву»¹⁷.

12 марта Соловьев отплыл из Александрии в Неаполь. Несколькими днями раньше по этому же маршруту отправился упоминаемый в переписке Соловьева князь Д.Н.Цертелев, который в конце своей жизни кратко высказался на эту тему: «Соловьеву не удалось выехать из Каира вместе со мною, как он предполагал, и я один отправился в Неаполь и во Флоренцию»¹⁸. Не известно ни одного факта о какой-либо размолвке друзей – в ближайшие полтора месяца они будут обмениваться доверительными письмами, а потом радостно встретятся во Флоренции. Скорее всего, разошлись ближайшие планы: Дмитрий Цертелев торопился встретиться во Флоренции с путешествующим по Италии старшим братом Петром Николаевичем, а Владимир Соловьев, в свою очередь, искал максимального уединения и возможности доработать и подготовить к изданию текст, который он начал в Каире и которому придавал очень большое значение.

16 марта 1876 г. Соловьев приплыл в Неаполь, откуда переехал в Сорренто. 20 марта он писал матери: «Покинув землю Египетскую 12-го марта, после благополучного плавания прибыл в Неаполь 16-го, где пробыл 2 дня, и... уехал в Сорренто

¹⁷ Письма. Т. 2. С. 23.

¹⁸ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 309.

вместе с Калачовым (с которым приехал и из Египта). Сорренто, как вам, вероятно, известно, есть маленький приморский городок в виду Неаполя и Везувия, и отличается всевозможными красотами природы, которыми я, впрочем, не успел еще насладиться по причине непрерывного дождя и бурных ветров, свойственных этому месяцу. Живу я в довольно дешевом отеле над самым морем и думаю пробыть здесь до конца апреля, который в Италии есть лучший месяц»¹⁹.

«Отель над самым морем» из письма домой – это, вообще говоря, мог быть любой отель в приморском Сорренто. Слова «довольно дешевый» в применении к гостиницам – понятие для Соловьева столь же привычное, сколь и относительное. Приехав за восемь месяцев до этого в Лондон, он, по его словам, тоже поселился в «маленьком дешевом отеле»²⁰, который, однако, по воспоминаниям бывшего в то время в Лондоне И.И.Янжула, на поверку оказался «дорогим аристократическим отелем», в котором, помимо запредельной цены за номер, Соловьеву навязали еще и знающего немного по-русски «комиссионера», которому надо было платить дополнительно фунт стерлингов в день. Янжулу, имевшему от отца Соловьева полномочия опекать Владимира в Лондоне²¹, пришлось срочно

¹⁹ Письма. Т. 2. С. 24. Слова в письме о «благополучном плавании» и точное соблюдение графика морского перехода говорят о том, что корабль, на котором плыл Соловьев, шел из Александрии в Неаполь кратчайшим путем – через Мессинский пролив. В случае большого шторма при подходе к Сицилии (в марте это нередко случается) капитаны иногда принимают решение плыть вокруг острова, через Трапани и Палермо, избегая рискованного прохода между печально знаменитыми Сциллой и Харибдой.

²⁰ Письмо родителям от 12 июля 1875 г. (Письма. Т. 2. С. 3). К сожалению, часто слова Соловьева принимаются исследователями за чистую монету и без минимальной перепроверки кочуют из одного исследования в другое. Например, К.В.Мочульский так и пишет: «В двое суток доезжает до Лондона. Попадает в маленький дешевый отель...» и т. д. (Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. С. 95).

²¹ И.И.Янжул вспоминал, что накануне отъезда в Лондон он встретился с отцом В.С.Соловьева – историком С.М.Соловьевым: «Сергей Михайлович в конце вечера отвел меня в сторону и сообщил мне интимным образом: “Вот вы теперь едете в Лондон, как сообщали, где скоро будет мой сын Володя... Он мальчик хороший, но жить не умеет, проживает очень много от неопытности; его обируют. Не будете ли вы так добры, если встретитесь, это, наверное, воз-